

ЮРИЙ УСАЧЁВ

ЮРИЙ УСАЧЁВ

**МОРЕ
НИКОМУ
НЕ РАССКАЖЕТ**

Москва

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У74

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *А. Дурасов*

Усачёв, Юрий Юрьевич.

У74 Море никому не расскажет / Юрий Усачёв. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-201903-6

Аманда Дэй, пережившая насилие, после тщетных попыток выстроить свою жизнь приезжает в Нордтаун, где с ней произошел тот ужасный случай. Девушке пришлось вернуться в город из-за дома, который достался ей в наследство после смерти ее парня Эрика Голда.

На новом месте с Амандой происходят странные пугающие события, она начинает сомневаться в себе самой и своих воспоминаниях...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-201903-6

© Усачёв Ю.Ю., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава 1

Признаться вслух

Неизвестно, кто с кем играл. Холодный ветер с морем или мое воображение с мозгом. На воде было движение, а в мыслях кислота. И там, и там была жизнь. Пассивно-агрессивная жизнь.

Я всматривалась в горизонт, который был неровным из-за волнующихся качелей из соленой жидкости. Птицы слишком нервничали и разрезали крыльями закатное красное яблоко. Казалось, что оно вот-вот развалится на кусочки и мир погрузится во тьму. И что тогда? Если исключить постапокалиптические теории, что будет с нами на самом деле?

Абсолютная чепуха лезла в мою голову, пока волны дрались за право подняться как можно ближе к Богу. Волосы пытались сбежать за порывом ветра, соединившись с его судьбой и заставив меня очень быстро постареть. Миллио-

ны километров они пролетят вместе как поток раздробленных частиц. Превратятся в муссон и успокоятся где-то на экваторе. Я же продолжу стоять здесь и молчаливо вспоминать каждый кадр фильма под названием «Искалечить Аманду». С надеждой поселю двадцать пятый кадр, где я маленькая улыбаюсь новорожденным котяткам. Так будет легче принять киноленту в мой архив памяти.

Изменить монтаж не получится. Его тяжелые руки собрали именно такую последовательность фрагментов сцены, в которой я как главная героиня бьюсь в самой натуральной истерике под звуки красивой тишины. Да, именно красивой. Ведь в моем мире все имеет невероятную эстетику, даже этот отвратительный фильм.

Режиссер исполнял вторую главную роль. Чужунное тело просто раздавило меня, а мои кривые барахтанья бесполезно разгоняли инстинкт самосохранения. Я не подчинялась себе в этой сцене. Он — хозяин положения.

Удар по лицу. Второй. Звуки раздираемой ткани и брызги мерзкого пота на моем лице. В помещении было слишком темно, глаза предательски не желали привыкать к ситуации без света. Периодически хрустели суставы, не готовые к разным скручиваниям на холоде. Сцена длилась чуть больше тринадцати минут.

Смирившись с неизбежным, я начала отсчитывать секунды. Все прекратилось вместе с его тяжелым выдохом. Он быстро встал и ушел. Меня сокрушили рыдания. Брюшные сокращения отдавались в низ таза, поэтому слезы удваивали свой поток из-за неопишуемой боли. Я еще чувствовала вес его сигаретного запаха и животного прикосновения на себе. Луна к тому моменту стала передавать отраженные лучи в маленькое окно справа. Вокруг были лодки, ведра, веревки и ощущение мерзости. Я вышла из странного помещения и оказалась на берегу моря, так же как и сейчас, волнительно бушующего само с собой. Только тогда была ночь, а не закат.

Кто он, мне неизвестно. За четыре часа до фильма я гуляла по своему маленькому городу, вдыхала ароматы апельсинов, пила черную колу, мечтала о скором поступлении в медицинский вуз. Вечер я встретила голыми ногами в наползающих ледяных, несмотря на лето, волнах и небольшом головокружении от морского восторга. Так я провела бесчисленные минуты, пока чужие руки не дернули меня за волосы и не поволокли по песку в маленький сарай для лодок.

Почему я называю это фильмом? Да этот ублюдок все снимал на камеру. Над его головой светился маленький красный огонек, пока мое тело горело ужасом. Странное чувство подска-

зывало мне, что он не раз пересматривал свой фильм. Возможно, была даже целая коллекция, где снимались и другие девушки, но мой фильм стал особенным. Я просто это знаю.

Никто не был посвящен в существование этого кино. Ни полиция, ни близкие. В восемнадцать лет я ушла от опекающей тети и переехала ближе к северному морю. Пару лет работала билетершей в музее подводных лодок, официанткой, певицей в баре и помощником библиотекаря. Грезил о работе нейрохирургом и копила на учебу в крупном городе. Но тогда на берегу моего любимого моря все изменилось, и в ДНК надломилась спиральные звенья.

Я пришла домой под утро и собрала все вещи. Отложенные деньги перевела со сберегательного счета на карту и отправилась в Даутфолс — странный городок для всех сбежавших от своего прошлого. Там быстро устроилась в реабилитационный центр по борьбе с алкогольной зависимостью администратором и погрузилась в чужие рассказы о срывах и слабостях. Так я училась медленно принимать свой фильм.

Как эти люди справлялись с тягой, неопишимо. Однажды один из докторов проделал своеобразный эксперимент, свидетелем которого я оказалась случайно. Он попросил меня отвлечься от работы и помочь ему на групповой

встрече — просто подержать в руках бутылку водки. Просьба странная, но я согласилась:

— Без проблем, уж с этим заданием я справлюсь.

Меня поставили в центре круга из стульев, на которых сидели люди разного возраста и цвета кожи. С бутылкой нужно было просто молча стоять.

— Оливия, не хочешь попробовать? Нужно сделать только то, о чем мы говорили, — обратился доктор к бледной темноволосой женщине в розовом свитере, полностью скрывавшем ее руки.

Женщина робко кивнула, встала со стула и подошла ко мне, глядя в глаза. Зеленые радужки с коричневыми вкраплениями хватались за мои черные в надежде удержаться от первых импульсов соблазна. Ничего не вышло. Ее взгляд свалился с грохотом на жидкость, застывшую в прозрачной бутылке в моих руках. Зомбированная женщина уже нырнула в своих мыслях в алкогольный кайф. Из-под розового рукава медленно появились пальцы, потянувшиеся ко мне. Я не знала, что делать.

— Ты можешь просто смотреть, Оливия. Оно не имеет над тобой власти, — вмешался тихий голос доктора.

Реакции не было. Частые глотки покатались по горлу Оливии, а по телу побежали редкие конвульсивные движения. Женщина кинулась на

меня с криком: «Я должна!» Вбежали охранники и оттащили ее, уже рыдающую. Доктор поблагодарил меня и попросил уйти.

Тогда я поняла, насколько сильна зависимость и как глубоко она может засесть внутри нас. В глазах Оливии было мое отражение, говорившее о связи с тем фильмом. По ночам, вспоминая случай на берегу моря, я кидалась на ублюдка, сломавшего меня. Рвала его одежду и пинала. Не видя лица, я хотела уничтожить этого сукина сына. Доведя его до бессилия, мысленно включала свет и ужасалась. Передо мной была избитая я.

Это видение не переставало одолевать меня и врвалось без предупреждения. Я избивала себя в темноте, думая, что это он, бесчисленное количество раз. Пока не встретила Эрика.

В нашем реабилитационном центре проходила конференция молодых психологов и психотерапевтов, работающих с зависимостями, невротами и страхами. Толпа людей сновала весь день по разным кабинетам. Я включила автопилот и стала выполнять рутинную работу: чай-кофе, ручка-блокнот, «Здравствуйте, вы позвонили в реабилитационный центр...» и «Конечно же, мы сейчас это исправим».

Проходя мимо большого зеркала у ресепшена, пришлось окинуть себя взглядом. Белый халат оттенял смуглую кожу. Треугольное лицо с ярки-

ми скулами устало погрузилось в килограммы тонального крема, черную тушь и светло-розовую губную помаду. Медного цвета волосы выскочили из пучка от дневной суеты, а некоторые приклеились к шее и щекам. Невысокая девушка, спрятавшаяся от прошлого под покровом чужих зависимостей.

День заканчивался, мы провожали гостей конференции. За мной точно наблюдали, так как я почувствовала раздражение и небольшой страх. Чутье не обманывало — на меня смотрел высокий парень с двухдневной небритостью, в желтом кардигане до середины бедра. Джемпер, брюки, ботинки и даже зонт-трость были черными, только яркий цвет верхней одежды выделялся и привлекал внимание. Его почти прозрачные глаза смотрели на меня, пока он зализывал назад плоской расческой темно-русые волосы, открывавшие небольшие залысины. Легкая улыбка, и он вышел на улицу.

Еще целый час мы приводили все помещения в порядок. Я вышла из центра в темноту. Незнакомец в желтом кардигане стоял у входа и курил сигареты с мятой. Я испугалась и зашагала в другую сторону.

— Простите, Аманда! — крикнул он мне вслед.

Я дернулась, услышав свое имя, и резко обернулась.

— Не собирался вас пугать, — смущенно продолжил парень, медленно двигаясь ко мне, — но очень хотел с вами познакомиться. А имя я выпытал у своего коллеги, он работает в вашей организации наркологом. Просто вы мне очень понравились...

Он робко покраснел и посмотрел на свои идеально вычищенные ботинки.

Мы встречались целый год, стали жить в его маленьком доме на севере Даутфолса рядом с сосновым лесом. Эрик неоднократно предлагал мне помощь в терапии моих психотравм. Ему я тоже не рассказала о своем фильме, но ночные кошмары демонстрировали ему как профессионалу, что все совсем не в порядке. Он мирился с моим нежеланием вскрывать эти наспех сделанные швы. Постепенно сны стали тише, я перешла на новую работу в его частную клинику менеджером по персоналу.

Все прошло через пару лет. Больше ничего не вспоминалось. Я перестала избивать незнакомого человека и видеть в нем истерзанную себя. Все было хорошо, пока Эрик не умер.

Один из клиентов ворвался в клинику с просьбой срочно увидеться со своим психотерапевтом. С моим Эриком. Его в этот день одолела простуда и все консультации пришлось срочно отменить. Я до сих пор не могу вспомнить, где

была, когда поехавший крышей мужчина, требуя встречи с лечащим врачом, выскочил из реабилитационного центра и пулей долетел до нашего дома. Он разбил окно спальни и, перепрыгнув через подоконник, вонзил огромный нож в его горло.

Преступника посадили. Застрахованная жизнь моего любимого оборвалась и вернулась ко мне окровавленными деньгами, которые якобы должны были загладить боль. Как так вышло, что, не будучи моим мужем, Эрик оставил все свое имущество мне, я не знаю. Утонувшую в слезах во время похорон меня коснулся высокий темнокожий мужчина в строгом костюме и представился личным адвокатом моего любимого. Я не могла говорить с ним и попросила о встрече в другой день.

Через неделю, сидя в своем кабинете в кресле из дорогой бордовой кожи, адвокат сообщил, что все имущество переходит ко мне, в том числе домик на берегу моря в крохотном малоизвестном городке под названием Нордтаун. В том самом, где я прожила два года, зарабатывая себе на учебу. В том самом, где был снят мой фильм.

Прошлое было запечатано под плотными стяжками нитей из моей боли. Но они разошлись и выплеснули фонтан эмоциональной крови. Сама судьба ткнула меня лицом в самое ужасное

в моей жизни. После такой трагедии меня развернули на сто восемьдесят градусов и показали дорогу к зашитым воспоминаниям.

— У Эрика был дом у моря? — спросила я, шокированная этим известием.

— Не совсем. Это коттедж его родителей, которые после смерти завещали сыну все имущество. В свою очередь, ваш молодой человек незадолго до смерти подписал документы, согласно которым в случае его кончины все достается вам. В том числе и семейное гнездо. То есть, как вы выразились, «дом у моря», — пояснил адвокат. — У вас есть какие-либо вопросы?

Я задумалась и сказала:

— Ничего не понимаю... Что мне теперь делать с этим домом?

Адвокат, складывая бумаги в стопку, ответил:

— Ну... может, для начала вы поедете и посмотрите на новое жилье? А пока прошу вас подписать эти документы.

Я подписала. Контракт с судьбой о возвращении на место преступления, жертвой которого была я.

Дом оказался двухэтажной постройкой с большими окнами, расположившейся на холме. Внутри была старинная мебель пастельных тонов, черный рояль, съеденные молюю зеленые шторы и роскошные обои с цветочным орнаментом. В каж-

МОРЕ НИКОМУ НЕ РАССКАЖЕТ

дой комнате цветы на стенах оказались разные. Особенно приятными были розы в гостинной цвета клубничного молока. Я просидела сутки в этой комнате и не могла принять абсурдность моего положения, спотыкающуюся о траур по Эрику.

Спустя три года после съемок фильма за авторством моего неизвестного извращенца я снова на этом же берегу. Покалеченная, сбитая, пустая и спокойная. У меня нет слез. Нет истерик. Я просто наблюдаю за закатом. Лодочный сарайчик, в котором все произошло, давно снесли. Никаких улик. Только моя память, всплывшая со дна холодного моря. Пора сделать признание.

В первый раз в жизни на месте рождения моей главной боли слова овладели моей челюстью. Поток воздуха вырвался вместе с вибрациями, и я сказала вслух самой себе:

— *Меня зовут Аманда Дэй, и меня изнасиловали...*